

СЕМАНТИКА ТОПОНОМ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ГАБИТУСА

А.А. Романов, Л.А. Романова

В статье рассматривается роль дискурсивных практик габитуса, участвующих в определении типовых форм фреймовых конфигураций корпоральности человека. Экспериментальным путём выделен ряд фреймообразующих топонимов габитуса, чья архитектура опирается на выработанный с возрастом и социальным опытом концептуальный (коммуникативно-социальный) конструкт «пространственность объекта», вербосоматографические топонимы которого приложимы к телесности человека в целом и её отдельным аспектам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агональный дискурс, дискурсивная практика, габитус, коммуникативный конструкт, корпоральность, телесность, топонима

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. larrar@yandex.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Семантика топонимов пространственности в дискурсивных практиках габитуса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 1. – С. 17–51. Режим доступа: www.tverlingua.ru

SEMANTICS OF TOPONOMIC SPACE IN DISCOURSIIVE PRACTICES OF HABITUS

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The article discusses the role of discursive practices of habitus involved in determining the typical forms of frame configurations of human correality. Experimentally a number of frame-forming toponoms of habitus were identified, whose architectonics is based on the conceptual (communicative-social) construct “spatiality of an object” developed with age and social experience, whose verbosomatographic toponoms are applicable to human corporeality as a whole and its individual aspects.

KEY WORDS: agonal discourse, discursive practice, habitus, communicative construct, corporality, corporality, toponoma

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. larrar@yandex.ru

Citation: Romanov A.A. Romanova L.A. Semantics of toponomic space in discursive practices of habitus [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 1. – P. 17–51. Access mode: www.tverlingua.ru

Дискурсивный подход к языку зафиксировал, что язык способен формировать (образовывать) такие структуры и коммуникативные конструируемые (коммуникаты) в виде «особых способов общения и понимания окружающего мира или его отдельных аспектов», которые в процессе интерактивной реализации их участниками того или иного способа общения «не только отражают мир его идентичности и социальные взаимоотношения, но, напротив, играют активную роль в его создании и изменении» (Филлипс,

Йоргенсен, 2004: 15), т.е. в создании и изменении как окружающего мира, так и самого человека в нём. Одним словом, признаётся, что мир не дан человеку непосредственно, а создается (конструируется) человеком говорящим (*homo loquens*) и интерпретируется им в процессе активного взаимодействия или коммуникативного, дискурсивного обмена вербальными и авербальными структурами или конструкциями. В этом процессе участник такого обмена не только интерпретирует наблюдаемый им процесс взаимодействия (коммуникативного обмена, коммуникативной интеакции) с собеседником, но он также интерпретирует саму ситуацию, событие и сложившееся положение дел вокруг себя с учётом (в зависимости от) своих личностных установок, понимания и оценки того, что его окружает. Участвуя в такой комплексной интерпретации, человек говорящий как когнитивный агент использует (опирается на) имеющуюся у него интегративную систему знаний, которая способствует возникновению в его консьиентальной (ментальной) сфере некоторого целостного коммуникативно-когнитивного образования или конструкта (Джерджен, 2003; Романов, 1982; 1983; 1983а; 1984; 2005; 1988; 2020; Романова, 2005; 2007; 2009; 2021; Романов, Романова, 2015).

Вместе с тем оказалось, что такой способ общения или такой тип дискурсивного взаимодействия (дискурсов) может меняться (трансформироваться) и может менять своё значение от дискурса к дискурсу при помощи своих строевых единиц – естественно-языковых или дискурсивно-регулятивных практик. Объединённые вокруг иллокутивной доминанты говорящего как инициатора (т.е. каузатора начальной стадии общения, взаимодействия) процесса развертывания типового взаимодействия, такие естественно-языковые практики способны образовывать структурно - функциональное единство в виде типового дискурса (дискурса-типа), который призван реализовывать определенную типовую иллокутивную функцию в речевом взаимодействии или вербальной интеракции. Интерактивное участие партнеров в реализации определенной

типовой иллокутивной функции дискурсивного взаимодействия есть процесс развертывания (дефреймирования, поэтапной “распаковки”) структурной организации способа (формата) такого взаимодействия, который (т.е. поэтапный процесс) позволяет партнерам прагматически адекватно интерпретировать вербальные (дискурсивные) действия-практики относительно друг друга (Романов, 1991; о типах иллокутивных функций и их практической реализации см.: Романов, 1984; 1986; 1987; 1988; 1991; 2020).

Отличительной чертой любого дискурсивного взаимодействия является наличие акта взаимной презентации своего внутреннего мира одного участника другому участнику. При этом каждый участник такого взаимодействия пресуппозитивно исходит из того, что его партнёр (или собеседник) обладает наличием своего внутреннего мира. Понятие внутреннего мира трактуется в данном случае достаточно широко и охватывает не только установочные знания (установки) участников на дискурсивное взаимодействие, т.е. на развертывание фрейм-структуры как «сложного единства языковой формы, знания и действия» (Ван Дейк, 2013) в рамках предложенного типа (способа, формата) дискурсивной интеракции, но и знания прагматической интерпретации используемых в дискурсивном обмене (развертывании) естественно-языковых и коммуникативно-авербальных практик.

В этих обстоятельствах существенно возрастает роль, значимость и влияние естественно-языковых (также – коммуникативных) практик в коммуникативном пространстве взаимодействия партнёров. Естественно, становится понятным, что коммуникативные (естественно-языковые, дискурсивные) практики суть наиболее часто используемые в интерактивном обмене *заготовленные схемы*, которые определенным образом выстраиваются когнитивным агентом и представляются (подаются) в виде узнаваемых паттернов – своего рода, вербально-авербальных шаблонов или вербально-авербальных “лекал”. Такие шаблоны (лекала) являются

«основной формой коммуникации», в которых не только накапливается опыт приемов коммуникации, уместных для достижения той или иной цели, но и собирается человеческий опыт в целом. При этом, с возникновением новых потребностей во взаимодействии между различными представителями слоёв общества, могут, соответственно, возникать и новые коммуникативные практики (Fiehler et al., 2004).

С появлением стремительного развития обмена интерактивно-информационными потоками в социальной сфере общества возрос интерес к феномену «коммуникативные практики», что повлекло за собой порождение (генерацию) новых форм массовой коммуникации. В этом контексте появились новые типы, виды и разновидности коммуникативных практик. В последние годы, примерно лет 25–30, проявился особый интерес к изучению процессов социо-медийной коммуникации через различные СМИ, что подтверждает наблюдение Т.Г. Добросклонской, которая отмечает, что текстовые медиапослания «являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка» в обществе. Пожалуй, заключает исследователь, ничто не делает коммуникацию столь доступной для исследователя, как публичные средства массовой коммуникации (Добросклонская, 2014: 7).

В этом плане активный интерес вызывает у исследователей массовой коммуникации понятие «коммуникативная практика», которое можно определить как *комплексную интегративно-композиционную коммуникативную единицу* в виде конструктивного коммуниката (также – коммуникативного конструкта), в котором одновременно демонстрируется и проявляется способ трансляции процесса реализации содержания практик через определенный канал вербальной (дискурсивной, речевой) и авербальной информации. В этом процессе также передаётся «комплекс условий интегративного взаимодействия», определяющий и порождающий определенный (фреймовый) тип взаимодействия в конкретной ситуации со

всеми её сценарными особенностями, тонкостями, расхождениями, отклонениями и рассогласованиями (Романов, 1988; 2020).

Здесь уместно подчеркнуть, что обыденная (в том числе и агонально-эристическая, т.е. нацеленная на победу в различных аспектах или регистрах эмоциональной тональности) коммуникация в обществе, складывающаяся в условиях жёсткой конкуренции (состязательности) и боевого стремления к намеченному результату, представляет значительный интерес для исследований процессов публичной коммуникации. Обычно изучение потоков публичных коммуникаций осуществляется на фоне складывающейся под давлением объективных обстоятельств распространения информационных посланий и ограничивается, чаще всего, изучением естественных обстоятельств их результирующей эффективности с учётом социально-экономической и публичной деятельности участников коммуникативного взаимодействия субъектов общественного самовыдвижения (самопрезентации) в виде ролевого (социального и коммуникативного) позиционирования.

Тем не менее, независимо от социальной принадлежности каждый участник публичной коммуникации должен отражать в своих коммуникативных посланиях-практиках не только социально-экономические показатели его жизненного уровня, но и предлагать пути развития своих отношений во взаимодействии с собеседниками, не упуская из вида лингвоэкологические параметры и показатели согласованных вербально-авербальных “шагов” и “ходов” в нём. А между тем, описание коммуникативных практик, процессов и потоков в проблемных ситуациях, связанных с обстоятельствами жизнедеятельности участников интерактивного общения, формирующих и отражающих «картину мира» конкретных участников вербально-авербального взаимодействия, может помочь не только понять суть проблемной ситуации, волнующей того или иного собеседника, но и способствовать проникновению в их психосферу или консциентальную сферу как активных представителей общества, так как

любой член общества отражает практически в своём коммуникативном взаимодействии своё личностное видение вещей и положение дел в окружающем его мире бытия.

Вместе с тем, заметим, что несмотря на активное внедрение термина «коммуникативные практики» в публичное коммуникативное пространство, например, журналистами, медиалингвистами, социологами, политологами и политтехнологами сегодня важно иметь в виду, что термины «практика» / «практики» употреблялись значительно раньше в социологии, чем в журналисте или медиалингвистике. В этой связи уместно напомнить, что термин «*социальная практика*» активно использовался в научных трудах по социологии П. Бурдьё, Э. Гидденса, И. Гофмана, Ю. Хабермаса. Заметим также, что, например, в современном словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях», изданном в 2018 году, термин «коммуникативная практика» vs «коммуникативные практики» не нашел своего отражения и описания (см.: Медиалингвистика, 2018).

Тем не менее, следует понимать, что термин «коммуникативная практика» в инфосфере вообще, а также в медиалингвистике и журналистике, в частности, имеет определенную – гиперонимическую – социосемантическую базу. Как известно, в социологии исходят из того, что вся жизнь человека строится из социальных практик, а *социальные практики* – это устоявшиеся в некотором социуме правила, которые постоянно воспроизводятся представителями данного общества. Нередко социальные практики разделяют на две главные составляющие: «*габитус* / *хабитус*» и «*тезаурус*». Первая составляющая – «*габитус*» была, как известно, выделена еще французским социологом Пьером Бурдьё, который именовал её термином «*социальная практика*». Под *габитусом* исследователь понимал *опыт, накопленный обществом*, который определяет стратегию поведения в конкретной ситуации. *Габитус* / *хабитус* – это «система порождающих схем» (Бурдьё, 1995; 2001; см. также: Романов, 1982 / 2005: 90–123 1988: 42–48; 2008: 41–58). Одним словом, однозначно можно сказать, что *габитус* –

это то, что одномоментно (одновременно) порождает не только социальные, но и коммуникативные практики «в виде совокупности совместной интенциональности или нацеленных предрасположенностей к действию или действиям определенным образом» (Бурдые, 1995; 2001; см. также: Романов, 2004:15–30).

Другая составляющая, именуемая *тезаурус*, была выделена социологами П. Бергером и Т. Лукманом. Суть этой составляющей заключается в том, что реальность создается самим обществом. Это означает, что *процесс восприятия и отображения* окружающего социального мира имеет *типичную рекуррентно - деятельностьную* (т.е. повторяющуюся в виде действий) *основу* или образец, типовой вариант или паттерн. Рекуррентно-деятельностная характеристика тезаурусных практик позволяет фреймировать окружающую действительность в виде вербальных конфигураций, объединённых говорящим субъектом вокруг иллюкутивной доминанты, которая выступает в роли фреймообразующей вершины (подробнее см.: Бергер, Лукман, 1995; Романов, 1983; 1988; 1995; 2005; 2020).

Предложенная дихотомия «*габитус – тезаурус*» делает более прозрачной терминологическую близость понятий «коммуникативная практика-действие» и «социальная практика-действие», с той лишь разницей, что понятие «коммуникативная практика» вытекают из понятия «социальная практика» и поэтому обладают более узким объёмом содержания, чем понятие «социальная практика». Можно даже примерно сказать, что «коммуникативная практика» есть суб- или подкатегория социальной практики, охватывающей в социуме все возможные образцы социального проявления и поведения человека говорящего как когнитивного агента. Иначе говоря, «коммуникативная практика» есть более узкое понятие по сравнению с понятием «социальная практика» и поэтому она включает в свой объём понятия как типовые вербальные и авербальные действия-образцы (паттерны), так и соответствующие им образцы

социального поведения, которые (образцы) формируются на базе своего личного социального опыта.

Подобно тому, как общественная жизнь человека состоит из множества (набора) социальных практик-действий, так и вся наша коммуникативная деятельность строится при помощи её составляющих – коммуникативных практик. Из этого следует, что коммуникативные практики суть определенным образом сформировавшиеся образцы коммуникативной деятельности, при помощи которых в обществе реализуются коммуникативные намерения, установки и целеполагания. Как утверждают социологи (ср.: Гофман, 2003; Карлсон, 2002; Кастельс, 2013), каждое общество обладает своим набором социальных и, соответственно, коммуникативных практик. Р. Филер и его коллеги приводят в качестве примера коммуникативных практик типовые фреймовые ситуации конструктивного порядка: «судебное разбирательство», «сплетни», «передачу новостей». Тот факт, что для вышеперечисленных явлений существуют общепринятые в социуме названия, свидетельствует о том, что коммуникативные практики – это единицы не аналитические, а самостоятельные. Следовательно, считают авторы, что если к социальным практикам применимы упомянутые понятия «*габитус*» и «*тезаурус*», то точно также эти понятия могут быть применимы и к коммуникативным практикам любого другого порядка (Fiehler et al, 2004: 99–100), в том числе и к вербально-авербальным или телесным (соматическим) практикам, отражающим корпоральную (габитусную) конфигурацию конкретной соматической позы человека.

Таким образом, в коммуникативных практиках *габитус* способен представлять собой накопленный социально-коммуникативный опыт проявления (экспонирующего, демонстративного выражения) соматической конфигурации корпоральности человека в целом или её отдельных частей в приложимости к корпоральности по принципу гештальтового соотношения «фигуры на фоне». В свою очередь *тезаурус* может быть приравнен к

языковой картине мира конкретного носителя языка, например, наподобие тезауруса или «словаря рэпера» в тех или иных неопрагматических эстетических практиках культуры у Р. Шустермана (Shusterman, 2012). Как подчеркивают В.В. Зотов и В.А. Лысенко, в коммуникативных практиках отражается «система знаний, норм, ценностей и образцов поведения, принятых в конкретной коммуникативной среде» (Зотов, Лысенко, 2013: 4; о специфике представления и выражения системы знаний см.: Бескова и др., 2010; см. также: Романов, 1983; 1988; 1989; 2020). Другими словами, такая «система знаний, норм, ценностей и образцов поведения, принятых в конкретной коммуникативной среде», отражается в каждой конкретной ситуации интерактивного взаимодействия участвующих в ней сторон.

Опираясь на дихотомическое (разнонаправленное) единство составляющих *габитуса* и *тезауруса* в структуре (в составе) используемых коммуникативных габитусных практик, логично предположить, что коммуникативные практики, информирующие (отражающие, описывающие) реальную картину положения дел в тех или иных сценариях жизни общества, несут отпечаток переживаемого и пережитого опыта бытия участников (т.е. конкретно проживаемого отрезка жизни в условиях иллокутивного формата реализации своих коммуникативных установок), так как ситуация психологического напряжения должна определённым образом сказаться на *габитусе*. Иначе говоря, такая ситуация должна отложиться в общественном сознании в качестве пережитого (приобретенного) опыта и соответственно закрепиться при помощи *тезауруса*, переносящего пережитый опыт в виде определённых “следов” на новые объекты или условия жизнедеятельности каждого из соперников. Выдвинутое предположение уместно подтвердить и верифицировать при помощи анкетирования в ходе нашего исследования на материале комплексных – вербально-авербальных – коммуникативных практик габитуса.

Для того, чтобы выявить роль социальной составляющей терминологического понятия «коммуникативная практика /

коммуникативные практики», важно не обойти вниманием идею австрийского философа Людвиг Вигенштейна о «языковых играх», суть которой сводится к объединению языка с действием (Витгенштейн, 1985). Другими словами, предлагается с интегративных позиций трактовать коммуникативную практику-действие в виде единого (композитного, неразрывного) комплекса-амальгамы (ср. выше с понятием «коммуникат»), рассматриваемого как результат взаимосвязанных глобально (т.е. по всем уровням) конститuentов комплекса-конструкта в пространстве коммуникативного общения.

Важную и, пожалуй, особую роль в интегративно-коммуникативном взаимодействии между двумя и более сторонами играет внешний (телесный) облик участника такого общения, который (т.е. телесный облик) в дополнение к вербальному фону рассматривается как «перекрещивающаяся с ним система множества несловесных знаков» или «внесловесного семиозиса» в виде определенных «языков», например, «языка тела или языка фигур корпоральности», «языка поз телесного выражения», «языка жестов» и т.д. Одним словом, система «внесловесного семиозиса» охватывает все габитусные практики (или позы) корпоральности, жесты, выражения лиц во время акта коммуникативного обмена вербальными (речевыми) и авербальными практиками-сигналами, которые, воспринимаются собеседниками визуально и, соответственно, «участвуют» непосредственно в психосемиотической интерпретации коммуникативного акта (Романов, 2006).

Перекрещивающиеся множества разных знаковых подсистем создают единый комплексный знак в виде визуального внешнего облика, который в актах комплексной коммуникации отражает её (т.е. коммуникации) направленность на связь между собеседниками и соотносит созданный (сконструированный) единый комплексный знак с определенной «областью семиотических фактов», чтобы стать её (т.е. коммуникации) «знаком-текстом» или «знаком-дискурсом» («коммуникатом», «коммуникативным конструктом»), В этой ипостаси сконструированный комплексный знак-

дискурс выполняет функцию визуального интерактивного сообщения (послания) и «прочитывается» (интерпретируется) на интерактивном вербально-авербальном уровне партнером или адресатом (Романов, Малышева, 2010: 291–292).

Оценивая процедуру верификации высказанного выше предположения о репрезентации связей социально-коммуникативного опыта говорящего субъекта с интерпретационным механизмом комплексного вербально-авербального знака (подробнее см.: Романов, 2005), уместно повторить характерные свойства (признаки, черты) *габитуса* как конститутивной части этого знака. В первую очередь напомним, что *габитус* является «основной психосемиотической категорией неречевого воздействия» (Романов, 2008: 25) и как корпоральность – т.е. как конкретное телосложение, экспонирующее себя в телесной практике-действии или телесной конфигурации – призван характеризовать человека коммуницирующего с позиций его физического состояния и культуры (т.е. внешнего вида), социальных и психологических свойств, которые эксплицитно «декларируют психосоматическое единство» (Тхостов, 2002: 4).

В этой связи полезно обратить внимание на известное бахтинское разграничение «внешнего» и «внутреннего» тела, где внешнее тело описывается как «структурно-пространственную организацию», а внутреннее – как «сущностно - временную структуру» (Бахтин, 1979: 44). Отсюда внешнее тело и есть *габитус* или само телосложение, его «телесное бытие» (Тхостов, 2002: 5), его корпоральность в конкретной конфигурации или позе (позотональности). Внутреннее тело – это «сущностно-временная структура», по М.М. Бахтину, которая представляется участникам со стороны другого человека, т.е. его взглядом (его “глазами”). Внешнее тело и непосредственные коммуникативные «формы объективации телесности» в интерактивном пространстве вербально-авербальной коммуникации познаётся человеком в результате рефлексивного выхода сознания в позицию другого» (Романов, 2004). Видя человека, его внешность, определенные

признаки его черт лица и фигуры, человек окультуривает телесность, то есть превращает простые природные данные и предпосылки существования человека в типовые или универсальные орудия и знаки для использования их в коммуникативном взаимодействии.

С учетом сказанного можно заключить, что *габитусу* свойственна параметризация во внешнем облике человека со стороны определения его пола, социально-ролевых проявлений, возраста и даже, частично, национальных особенностей. Понятно, что *габитус* мыслится как «целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат коммуникативно-социального опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер» (Романов, 2004: 65–67). Одним словом, *габитус* любого человека является некоторым набором проявления коммуникативно-социального опыта этого человека, поскольку в течение своей жизни он участвует в большом количестве «сценариев жизни», в которых он реализует набор различных вербально-социальных практик. Примечательно в этом плане, что вербально-социальная практика есть любая ситуация, в которой человек реализует себя в той или иной социальной позиции и роли (ср.: Батурчик, 2005). И когда человек реализует («проживает») ту или иную вербально-социальную практику, то он обзаводится («обогащается») полученным опытом от взаимодействия (обмена практиками) с другим партнёром.

В этом случае полученный опыт суть категоризационная структуризация приобретаемых человеком знаний о типовых и индивидуальных манерах вербально-авербального поведения людей, о их жестикюляции и их соотношении с тем, *что, о чём и для чего* «говорит» (сообщает, передаёт) человек и в *какой форме* он хочет донести свои сведения до собеседника. Таким путём у человека формируется устойчивая система соотношений жестов, поз, движений и сопровождающих их тональностей с определенными сценариями реализации фреймовых конфигураций инвентаря речевых (иллюктивных) актов, реализуемых человеком в сценариях его

жизнедеятельности. Приобретая социально-коммуникативный опыт, человек использует его в других сходных или типовых сценариях для интерпретации вербально-авербального поведения своего партнёра.

Таким образом, *габитус* – это содержательный набор социально-коммуникативного опыта человека говорящего как когнитивного агента. Поэтому каждый человек имеет свой (персональный) «*габитус*» в виде типового набора определенных жестов, поз, выражений лица. Причём эти *габитусные практики* не меняются в процессе перехода от практики к практике. Больше того, они имеют общий облик в любой вербально-социальной практике. А через эту общность передается сценарная согласованность (регулятивность и ауторегулятивность) таких практик в типовых сценариях общения. Регулятивность и ауторегулятивность *габитусных практик* характеризуется аутоноэтическим (скорее, бессознательным) свойством их проявлений. И коль скоро *габитус* суть по большей части бессознательное (неконтролируемое) явление и проявление, то человеку достаточно трудно контролировать его в каких-либо социально-коммуникативных практиках.

Таким образом, описывая роль *габитуса* как коммуникативно-конструктивного феномена в дискурсивной интеракции, можно заключить следующее:

– *габитус* – это «порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, то есть в единый ансамбль выбора людей, благ и практик (Батурчик, 2005);

– *габитус* есть система диспозиций (признаков, проявления корпоральности в виде телесных конфигурация или поз) в той или иной социальной практике; понятие *габитуса* может включать в себя и внешний облик человека, и его социальный облик или социально-демонстративное позиционирование;

– *габитус* проявляется неосознанно в тот момент речи, который у индивида ассоциируется с *ним*, что нарабатывается и закрепляется опытом в ментальном (консциентальном) пространстве индивида;

– «бессознательность *габитуса* определяется его телесностью: установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле» (Батурчик, 2005), а также в привычках разговора и движений (ср. также: Тхостов, 2002; Романов, Сорокин, 2004; 2008);

– *габитус* одного человека, принадлежащего к определенной группе людей, имеет свое влияние и на них; иначе говоря, у одного и того же класса людей *габитус* схож. Он выступает одним из общих признаков (своего рода – гиперонимом) данной группы людей, образуя телесную «основу их спонтанной солидарности», по Р. Шустерману (Shusterman, 2012);

– важнейшая коммуникативная функция *габитуса* сводится к формированию, выработке, сохранению и закреплению в консциентальной сфере общества «единства стиля, объединяющего практики и блага не только какого-либо единичного агента, но также и класса агентов» (Батурчик, 2005);

– функциональный потенциал *габитуса* направлен на осуществление структурированной корреляции (фреймирования) всех социально-культурных практик и индивидов, реализующих (экстраполирующих) тем самым прошлые результаты в нынешние и будущие. Иначе говоря, используя фреймовый потенциал *одних и тех же габитусных поз* для донесения до собеседника (или какого-нибудь отдельного индивида) информации (векторной иллюкутивности) в нужном ключе, коммуникант как когнитивный агент каждый раз реализуем *одну и ту же цель* при помощи *одних и тех же средств*;

– с этих позиций *габитус* суть прагмакоммуникативный комплексно-интегративный знак («коммуникативный конструкт»), который, будучи размещённым (экспонированным, поданным в демонстративном стиле пространства «я –здесь – сейчас» и переведённым в дискурсивное пространство обмена вербально-авербальными практиками), начинает

процесс аутогенерирования (подсказывания) определённых свойств, причиняющих или каузирующих воздействующее влияние на выбор способа интерпретации и личностного переживания людьми собственного опыта и эмоций, а также на способ представления (конструирования) картин мира и взаимодействия с ними» (Романов, 2008: 114).

Подытожив свойства габитуса в его корпоральных проявлениях или габитусных практиках (действий), целесообразно верифицировать эти свойства на материале конкретных поз (проявлений корпоральных конфигураций) и пантомимики человека, позволяющих выстроить с помощью опроса обычных респондентов соответствующие им гипотезы обработки и интерпретации авербальных (габитусных) действий в формате паралингвистического дискурса. В качестве исходного (стимульного) материала исследования были использованы черно-белые изображения трёх типов поз человека (и мужчин, и женщин), предложенные В.П. Чтецовым и его коллегами (см.: Чтецов и др., 1978; 1979), которые апробировались в проведенных ранее исследованиях (см.: Романов, 2004: 63–93, 106–129; 2005: 149–157; Романов, Ходырев, 1998: 127–169).

Используемые изображения, выполненные в силуэтной графике, позволяют воспринимать изображенных людей как реально действующих, не фиксируя при этом внимания на отдельных нюансах строения тела, одежды, временной отнесенности, национальности, половой принадлежности и т.п. Это условие исключает названные факторы из восприятия данных поз и позволяет их влияние считать незначительным.

Каждый силуэт человека, представленный в виде конкретного изображения, заметно отличается от всех остальных (т.е. обладает своей индивидуальностью), но одновременно является похожим на других в плане экспрессивной репрезентации, что в целом объединяет изображенных людей в одну общую группу под общим названием «*соматический тип*». Каждое изображение представляло собой не просто какую-то одну отдельно взятую статическую позу, а отражало определенную фазу некоего события: на

изображении был зафиксирован момент разворачивающегося невербального сообщения по *сагиттали*, т.е. изображена поза человека в ее динамическом аспекте, со своей предысторией и последующим (перспективным или сценарным) развитием (о термине «сагитталь» см.: Романов, 2004: 18–22).

Присутствие (наличие) в экспериментальных изображениях определенного контекста является особенно значимым для предлагаемого исследования, ибо специфика изображения как раз и заключалась в том, что каждый из них содержал несколько возможных вариантов прочтения. При этом, главным опорным моментом при восприятии респондентами фиксированных изображений выступали позы, но у каждого из изображенных присутствовали и жесты, и мимика, и даже некоторые физиогномические приметы. Все вышеперечисленные особенности подобранного стимульного материала позволяют максимально приблизить ситуацию восприятия изображений респондентами к реальной ситуации взаимодействия людей в процессе вербально-невербальной коммуникации.

Таким образом, поза (т.е. конкретная корпоральная конфигурация) человека на каждом изображении выступает некоторым условным «сагиттальным визуальным знаком в виде паралингвистического знака-текста» (Романов, 2004: 19). Но при этом она может восприниматься респондентами неоднозначно, так как содержит в себе различные возможные варианты её прочтения (толкования и интерпретации). Вместе с тем, важно учесть, что те или иные трактовки изображения позы человека находятся в определенной зависимости от психологических особенностей самого интерпретатора, а именно – от его *воображения, установок, наблюдательности, опыта, владения некоторыми социальными представлениями и фреймами*, а также от его *личностной и социальной идентичности*, что в целом и составляет *эгональный («паралингвистический») дискурс* габитуса, который помогает участнику интеракции ориентироваться в конкретной ситуации взаимодействия и вступать в коммуникативный обмен.

В опросе принимали участие как мужчины, так и женщины. Пол, возраст и количество участников опроса представлен в следующей таблице № 1:

Пол \ Возраст	Мужчина	Женщина
18 - 25	25	26
26 - 40	34	35
41 - 60	26	27
61 - выше	2	-

Опрос, в котором под руководством профессора А.А. Романова активное участие принимала студентка кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета А.М. Частова (см.: Романов, Частова, 2021), проходил в два этапа и включал в себя несколько задач.

На первом этапе опрашиваемому было необходимо просмотреть три различных силуэта человека и определить *а)* к какому типу фигуры относится данный силуэт, *б)* по каким признакам это возможно понять, *в)* к какому типу характера можно отнести человек с такой фигурой и *г)* какие доминантные черты характера человека могут быть связаны с данным силуэтом.

На втором этапе опрашиваемым респондентам были розданы четыре изображения лица человека. По основным топономам (т.е. физиогномическим знаковым чертам или признакам) каждого лица нужно было определить, какие доминантные черты характера может иметь конкретный индивид.

Цели опроса респондентов на первом и втором этапах сводились к тому, чтобы

– выявить основные стратегии обработки паралингвистического дискурса в процессе невербальной коммуникации, а именно – восприятие и толкования конкретных поз, физиогномики и мимики (пантомимики) человека,

– отметить позотонические (“эмотивно-стилистические”) маркеры каждого лица и позы, позволяющие строить соответствующие им гипотезы обработки паралингвистического дискурса и социально-коммуникативного поведения,

– определить возможные фреймы, активируемые в этом процессе, и обозначить телесные (физиогномические) маркеры их активации,

– провести содержательный анализ интерпретаций поз респондентами и осуществить межгрупповое сравнение результатов.

В последующем респондентам были предложены на выбор все три типа изображений поз фигур человека, которые походили на общие очертания (силуэты) реальных людей. Респонденты должны были выбрать (зафиксировать) из предъявленных изображений самые ярко-выраженные черты фигуры, то есть отметить и обозначить эгональное (*личностное*) пространство визуальных признаков телесности. На этом основании респонденты должны сделать вывод о типе фигуры. Зафиксированный признак телесности испытуемые респонденты описывали одним атрибутивным словом – прилагательным, которое, по их мнению, подходило больше всего к фигуре-изображению.

Ответы испытуемых выглядели следующим образом: *силуэт 1* обозначался чаще всего атрибутивным признаком «полный», *силуэт 2* – в своём большинстве именовался как «нормальный», а *силуэт 3* – в основном, характеризовался как «худой». Примечательно, что ответы респондентов не сильно отличались друг от друга. Вместе с тем, присутствовали и незначительные отклонения, которые, тем не менее, не меняли общей сути самого ответа. Например, *силуэт 3* был атрибутирован свойствами «худощавый», но «здоровый».

Можно также отметить, что некоторые испытуемые респонденты определяли тип фигуры при помощи существительного, ставя их в один ряд с прилагательными, например, «худая» – «доска». Примечательными оказались и такие описания, которые являли собой комбинацию прилагательного и существительного, например: «худая, но не тощая (не доска)» или: «худая (очень) = тощая, плоская как доска».

Вместе с тем, итоговые подсчеты показали, что было зафиксировано значительное количество ответов по каждому типу фигуры, которые различались между собой. Характеристику наиболее частотных атрибутивных признаков относительно трёх типов фигур можно представить в следующей таблице № 2:

Тип физического облика	Семантика актуализации и визуализации признаков эгонального пространства (габитуса)
Тип первый	<i>Полная</i> , округлая, круглая, крупная, прямоугольник, круг
Тип второй	<i>Нормальная</i> , стройная, фигуристая, статная, худая, песочные часы
Тип третий	<i>Худая</i> , стройная, тощая, худощавая, прямая, анорексия, треугольник

Краткий комментарий к таблице: очередность расположения всех признаков обусловлена частотой их упоминания в опросах. При этом, нельзя не обратить внимание на тот факт, что каждый из трёх описанных типов фигур имеет *фреймо-образующие* (или гештальто-образующие) признаки. Таким образом, фреймо-образующими признаками можно считать те *две первые атрибуции* (признаковые описания), которые являются самыми частыми в употреблении, а именно: тип 1 – «*полная*», «*округлая*», тип 2 –

«нормальная», «стройная», тип 3 – «худая», «стройная». Такие признаки обозначены в таблице курсивом.

На основании данных, полученных на первом этапе опроса, появляется возможность сделать некоторые обобщающие наблюдения:

– испытуемые (опрашиваемые) люди (респонденты) способны достаточно быстро и чётко определять (опознавать) тип корпоральной конфигурации или силуэта фигуры;

– некоторые опрашиваемые респонденты сталкиваются с трудностью (предпочитают не) разделять фигуры на различные типы; то есть респонденты демонстрируют толерантное отношение ко всем фигурам,

– способность респондентов придерживаться в некоторых случаях толерантного отношения к опознаваемым типам фигур-силуэтов выражается путем описания всех предъявленных типов фигур-силуэтов только одним прилагательным – «нормальный»;

– большинство респондентов в своих оценках положительно относились к любому типу предъявленных к опросу фигур-силуэтов;

– отмечено относительно малое (незначительное) количество представителей мужского и женского пола первых двух возрастных (18–25 и 26–40 лет) групп, принимавших участие в проводимом опросе, которые при описании фигуры-силуэта использовали в своих ответах упрощённые (просторечные, разговорные) формы выражения с негативно-окрашенной характеристикой.

На следующем этапе проводимого исследования перед испытуемыми ставилась задача определить *конкретные* (корпоральные или соматические) *признаки*, по которым респонденты могли сделать свои выводы о типе фигуры предъявляемых респондентам силуэтов. Другими словами, на данном этапе эксперимента важно было выявить основную тенденцию (формат, правило), согласно которой люди решают отнести фигуру человека к тому или иному типу, а также обозначить те конкретные соматические признаки, которые позволяют респондентам определять тот или иной тип фигуры

человека. При этом участники опроса делали свои выводы на основе главных (конститутивных или фреймо-образующих) топоном или значимых черт габитуса.

В результате проведенного опроса были получены экспериментальные данные о доминирующих признаках типа физического облика, которые нашли отражение в следующих ответах:

доминирующие топонимы эгонального пространства габитуса типа 1 – *Бёдра*, руки, талия, ноги, плечи;

доминирующие топонимы эгонального пространства габитуса типа 2 – *Бёдра*, талия, плечи, руки;

доминирующие топонимы эгонального пространства габитуса типа 3 – *Руки*, ноги, плечи, талия, бедра.

Краткое пояснение к приведённым данным: все признаки приведены в порядке частотности их упоминания в опросах. Наиболее частотные признаки обозначены курсивом.

По результатам проведённого опроса можно сделать ряд некоторых обобщающих наблюдений:

– сосредоточение внимания респондентов чаще всего направлено на срединную часть корпоральности (силуэта) человека в соматическом пространстве от плеч до бёдер;

– наиболее значимыми или *фреймо-образующими* признаками являются бёдра и показатели их размера;

– существенное, но в то же время пропорционально равное внимание уделяется топономам *талии*, *рукам* и *ногам*, которые (топонимы) характеризуют (и также детализируют) представляемую корпоральность силуэта-человека;

– топонома размера («ширина») плеч также оказывает влияние на определение (от первого до третьего) типов фигур.

Представляется уместным привести и некоторые нетривиальные ответы респондентов, характеризующие тот или иной тип силуэта-фигуры. В

частности, *тип 1* был охарактеризован как тип, у которого «нет талии». Под этим негативными констатирующим признанием респонденты подразумевают косвенную характеристику всей корпоральности силуэта-фигуры. Другими словами, респонденты на базе уже существующего типа телесности практически зафиксировали (выделили) новый тип силуэта, в котором подчёркивается его типовая (фреймо-образующая) характеристика: «широта, объёмность и массивность / ”грузность” всей фигуры в целом».

Следует вновь подчеркнуть, что в экспериментальном опросе использовались черные силуэты, у которых достаточно сложно чётко выделить доминирующие черты телесной конфигурации. Вместе с тем, однако, в процессе визуализации были также выделены топонимы «ягодицы» и «живот», которые оценивались как доминантные признаки, характеризующие, по мнению опрашиваемых, весь образ массы телесности силуэта («тело»), наделяя его (одним общим фреймо-образующим признаком «полноты»). Совершенно очевидно, что был осуществлен перенос частного признака на весь корпоральный контур “телесности” («тело») человека на отдельный силуэт. Ср. вербальное выражение: «человек в теле».

У описываемого второго типа (*тип 2*) был также выделен дополнительный фреймо-образующий признак «гармоничная фигура», которым – как и в случае с типом 1 («тело») – опрашиваемый описал всю фигуру в целом, не выделяя никаких других отличительных признаков;

Заслуживают внимания некоторые комментарии опрашиваемых относительно третьего типа фигуры силуэта (*типа 3*), среди которых опрашиваемые выделяли общий – фреймо-образующий – признак «прямая», не добавляя при этом никаких других отдельных признаков. Данный признак был приписан всей фигуре (т.е. типу фигуры) одним словом. Встречается также выделенный признак «фигура угловатая». При этом опрашиваемый дополняет своё определение, детализируя, что «фигура силуэта угловатая достаточно точно».

По всей вероятности, в этом случае также обнаруживается стремление у респондента выделить дополнительный – *фреймо-образующий* – тип фигуры силуэта, в котором отражена (отражается) градация «худобы» телесности силуэта фигуры. Испытуемый так прокомментировал своё видение «худобы: бросается в глаза *угловатость* фигуры, которая наблюдается, когда достаточно точно видны кости на многих частях тела».

Любопытны также детали подчеркивания «угловатости» и «худобы» телесности, которые проявились в дополнительном признаке «тонкие руки». Другими словами, имея в своём концентриальном пространстве типовой (фреймо-образующий) образ «угловатой / худой» фигуры, испытуемый увидел в силуэте (т.е. в конкретной габитусной практике) признак «тонкие руки», который отличается от величины / полноты нормальных, типовых рук. То есть испытуемый выделяет в качестве доминантного тот характерный для «угловатой» фигуры признак, который для опрашиваемого присущ типовому фреймовому представлению о фигуре человека через отдельный и, заметим, практически невидимый признак «худоба рук».

Итак, предложенный для опроса чёрно-белый силуэт фигуры человека на каждом из трёх изображений выступал некоторым условным стимульным «сагиттальным визуальным знаком в виде паралингвистического знака-текста / дискурса». Безусловно, любой опрашиваемый респондент мог неоднозначно воспринимать каждый из предъявленных силуэтов, так как он мог по-разному интерпретировать и толковать их, в зависимости от своих психологических особенностей и установок, личностной и социокультурной идентичности, воображения и опыта, оперирования знаниями о социуме и отношений между людьми внутри социума, а также знаний о личном тезаурусе и концентриальном оперировании его ресурсами в виде вербализованных структур опыта и их когнитивного фреймирования.

Важно отметить, что вышперечисленные факторы играют важную роль в формировании «эгонального дискурса» (Романов, 2004; 2008), который способствует согласованному и успешному коммуникационному

обмену между участниками дискурсивной интеракции. Но не менее важно подчеркнуть, что в ходе экспериментального опроса большая часть опрошиваемых респондентов была активна и заинтересована в исследуемом процессе. Многие предлагали свои неординарные характеристики и определения, несмотря на тот факт, что их “партнерами” по невербальной коммуникации выступали не реальные люди, а нарисованные в чёрном цвете силуэты. При этом наибольший интерес опрошиваемые респонденты проявили при процедуре анализа (опознания) силуэтов фигур, нежели чем при анализе значимых (физиогномических) элементов-точек или «топоном» лица.

Любопытными кажутся полученные ответы на конкретные вопросы относительно взаимосвязи и взаимообусловленности выделенных доминантных черт характера человека с атрибутивным типом силуэта фигуры. Так, например, отвечая на вопрос «Какие доминантные черты характера человека, связанные с данным типом силуэта-фигуры, Вы можете выделить?», большинство опрошиваемых респондентов многословно и открыто описывали все возможные черты, которые могут демонстрировать такую связь. Больше того, некоторые из участвовавших в опросе респондентов пытались также приписывать каждой фигуре точные сферы занятости, в которых данный человек (т.е. в действительности – силуэт фигуры) может успешно функционировать или проявить себя.

Так, в частности, силуэту фигуры первого типа (*тип 1*) с доминантным признаком «полная» респонденты определили сферу занятости «домашнее хозяйство» без каких-либо уточнений. Большинство определили эту сферу деятельности как пригодную для женщин, потому что доминантные признаки силуэта сформировали образ «доброй (хлебосольной, приветливой, добродушной, пышной) домохозяйки».

Силуэту фигуры второго типа (*тип 2*) с доминантными признаками «стройная», «нормальная», «сдержанная» ассоциировался с женщинами («бизнесвумен»), занятыми в различного рода бизнесе. Силуэту фигуры

третьего типа (*тип 3*) с доминантными признаками «худая», «тощая», «поджарая» определил сферу профессиональной занятости «женщине рабочего класса».

В заключение можно предположить, что габитусные практики эгональной дискурсии (т.е. практики экспонирования реальной телесной конфигурации) обусловлены наличием архитектоники ментальных репрезентаций у человека с различным возрастом и опытом. Архитектоника таких ментальных репрезентаций опирается на выработанный с возрастом и социальным опытом концептуальный (коммуникативно-социальный) конструкт «пространственность объекта». Характерно, что указание (определение) сферы занятости (в частности, профессиональной деятельности) указывает на проявление ещё одного коммуникативно-концептуального конструкта, именуемого как «целенаправленность» или «интенциональность», который проявляет себя в соотнесении (переносе) личного телесного опыта индивида с его целенаправленной (и профессиональной, в том числе) деятельностью. Выявление вариативности архитектурных репрезентаций телесной пространственности в её корреляции с целенаправленностью (интенциональностью) индивида на проявление себя в определенных (соответствующих) сферах деятельности требует дальнейшего изучения.

Ссылки – References in Russian

Батурчик, 2005 – *Батурчик М.В.* Энциклопедические статьи, связанные с Пьером Бурдьё [Электронный ресурс] – Электрон. Текстовые дан. (1 файл: 566 кб). – М.: 2005. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii>

Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

Бескова и др., 2010 – *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.

Бурдьё, 1995 – *Бурдьё П.* Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Уч. пособие. – Новосибирск: НГУ, 1995. – С. 49–62.

Бурдьё, 2001 – *Бурдьё П.* Практический смысл. Пер. с фр. Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

Ван Дейк, 2013 – *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Либерком, 2013. – 344 с.

Витгенштейн, 1985 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.

Джерджен, 2003 – *Джерджен (Герген) К.Дж.* Социальный конструкцио-низм: знание и практика. Пер. с англ. – Минск: Изд-во БГУ, 2003. – 218 с.

Добросклонская, 2014 – *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. Уч. пособие. – М.: Флинта, 2014. – 264 с.

Зотов, Лысенко, 2013 – *Зотов В.В., Лысенко В.А.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества [Электронный ресурс]. – Электрон. данные – 2013. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2010/sociology/zotov-lysenko>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., дата обращения: 10.12.2021.

Карлсон, 2002 – *Карлсон Дж.* Телевизионное развлечение и политическая социализация // Макаров М.М. Массовая коммуникация в

современном мире: методология анализа и практика исследования. – М.: Урсс, 2002. – С. 224–233.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Уч. пособие. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Медиалингвистика, 2018 – *Медиалингвистика в терминах и понятиях:* словарь-справочник. – М.: Флинта, 2018. – 440 с.

Романов, 1982 – *Романов А.А.* Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб: дисс. ... канд. филол. н. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1982. – 168 с.

Романов, 1983 – *Романов А.А.* К построению когнитивной модели текста // Проблемы перевода научно-технической литературы и преподавания иностранных языков в технических вузах: тез. докл. зональн. конф. – Ярославль: Совет НТО, 1983. – С. 37–38.

Романов, 1983а – *Романов А.А.* Фреймовая семантика в аспекте автоматической обработки текстов // Международный семинар по машинному переводу текстов: тез. докл. – М.: Всесоюзный Центр Переводов, 1983. – С. 188–190.

Романов, 1984 – *Романов А.А.* О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1984. – С. 102–111.

Романов, 1986 – *Романов А.А.* Иллокутивность как категория функциональной грамматики // Функционально-типологические проблемы грамматики. Часть 2. – Вологда: Ин-т языкознания АН СССР: Ленинградское отделение, 1986. – С. 116–118.

Романов, 1987 – *Романов А.А.* Стратегический синтаксис как составная часть иллокутивной грамматики // Прагматический аспект грамматической структуры текста. Тез. докл. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Днепрпетровск: Днепрпетровск. гос. ун-т, 1987. – С. 13–15.

Романов, 1983 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. –183 с.

Романов, 1989 – *Романов А.А.* Представление иллокутивных знаний в статье автоматического словаря // Международный семинар по машинному переводу “ЭВМ и перевод 89”. Тбилиси 1989. – М.: Всесоюзный Центр Переводов; Тбилиси: ГрузНИИТИ, 1989. – С. 186–189.

Романов, 1991 – *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Отв. ред. А.А. Романов и А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ТГСХА, 1991. – С. 82–100.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ГСХА; Тверской гос. ун-т, 2004. – С. 6–158.

Романов, 2005 – *Романов А.А.* Семантика визуальных знаков в формировании образа телесности // Text Processing and Cognitive Technologies: The VIII-th International Conference: Cognitive Modeling in Linguistics, Varna (Bulgaria), 2005. Proceedings, Vol. 2. – Moscow-Varna, 2005. – P. 149–157.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Имидж и социально-ролевой тип поведения // Имиджелогия – 2006: Актуальные проблемы социального имиджмей-кинга: Материалы Четвертого Междунар. симпозиума по имиджелогии. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – С. 248–255.

Романов, 2008 – *Романов А.А.* Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ГСХА, 2008. – С. 4–144.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого яз. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.

Романов, Малышева, 2010 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Кинестетические действия как маркеры регулятивных действий в диалогическом общении // *Культура как текст. Сб. научн. статей. Вып. X.* – Москва - Смоленск: Ин-т языкознания РАН; СГУ, 2010. – С. 285–293.

Романов, Новоселова, 2021 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкторы предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 г. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал.* – 2015, № 3. – С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Ходырев, 1998 – *Романов А.А., Ходырев А.А.* Управленческая имиджелогия. – Тверь: Изд-во ГЕРС; Тверская ГСХА, 1998. – 244 с.

Романов, Частова, 2021 – *Романов А.А., Частова А.М.* Значимость топонимов лица для выявления характера человека // *Сб. материалов Всероссийских научно-практических конференций: «Гуманитарные исследования в аграрном вузе» 30 апреля 2021 г.* – Иваново: Ивановская СХА, 2021. – С. 574–578.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Изд-во ГЕРС; Тверская ГСХА, 1998. – 205 с.

Романова, 2005 – *Романова Л.А.* Принцип контрастности в когнитивных практиках структурирования мира вещей // *Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: Акмеология образования.* – 2005. –Т.11, № 2. – С. 36–43.

Романова, 2007 – Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2007. – 120 с.

Романова, 2009 – Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 180 с.

Романова, 2021 – Романова Л.А. Коммуникативный конструкт как единица семантического комплекса композитных перформативов // Дискурс в социокультурном пространстве: Коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации. Сб. научн. трудов, посвященный юбилею проф. А.А. Романова. – М.: Флинта, 2021. – С. 298–309.

Тхостов, 2002 – Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.

Филлипс, Йоргенсен, 2004 – Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс – анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

Чтецов и др., 1978 – Чтецов В.П., Лутовинова М.Ю., Уткина М.И. Опыт объективной диагностики соматических типов на основании измерительных признаков у мужчин // Вопросы антропологии. – 1978, вып. 58. – С. 68–75.

Чтецов и др., 1979 – Чтецов В.П., Лутовинова М.Ю., Уткина М.И. Опыт объективной диагностики соматических типов на основании измерительных признаков у женщин // Вопросы антропологии. – 1979, вып. 59. – С. 85–93.

References in Russian

Baturchik, M.V. (2005) *Jenciklopedicheskie stat'i, svjazannye s P'erom Bourdieu* [Electronic resource] - Electron. Text data. (1 file: 566 kb). – М., Access mode: <http://bourdieu.name/content/gabitus-enciklopedija-sociologii> (In Russian)

Bahtin, M.M. (1979) *Jestetika slovesnogo tvorcestva*, М., Iskusstvo, 424 p.

Berger, P., Lukman, T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti, Traktat po sociologii znaniya*, M., «Medium» 323 p. (In Russian)

Beskova, I.A., Gerasimova, I.A., Merkulov, I.P. (2010) *Fenomen soznaniya*, M., Progress-Tradicija, 367 p. (In Russian)

Bourdieu, P. (1995) *Struktury, Habitus, Praktiki // Sovremennaja social'naja teorija: Bourdieu, Giddens, Habermas, Novosibirsk, NSU, pp. 49–62.* (In Russian)

Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskij smysl*, Translation from French, Managing editor and afterword N.A. Shmatko, SPb., Aletejja, 562 p. (In Russian)

Chtecov, V.P., Lutovinova. M.Ju., Utkina, M.I. (1978) *Opyt obektivnoj diagnostiki somaticheskikh tipov na osnovanii izmeritel'nyh priznakov u muzhchin // Voprosy antropologii, vol. 58, pp. 68–75.* (In Russian)

Chtecov, V.P., Lutovinova, M.Ju., Utkina, M.I. (1978) *Opyt obektivnoj diagnostiki somaticheskikh tipov na osnovanii izmeritel'nyh priznakov u zhenshin // Voprosy antropologii, vol. 59, С. 85–93.* (In Russian)

DzhDzherdzhen (Gergen), K.Dzh. (2003) *Social'nyj konstrukcionizm: znanie i praktika*, Translation from English, Minsk: BSU, 218 p. (In Russian)

Dobrosklonskaja, T.G. (2014) *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech'*, M., Flinta, 264 p. (In Russian)

Fiehler R. et al. (2004) Eigenschaften gesprochener Sprache / Reinhard Fiehler, Birgit Barden, Mechthild Elstermann, Barbara Kraft, Tübingen, Günter Narr Verlag, 553 S.

Fillips, L.Dzh., Jorgensen, M.V. (2004) *Diskurs – analiz. Teorija i metod*, Harkov, Humanitarian Center, 336 p. (In Russian)

Karlson, Dzh. (2002) *Televizionnoe razvlechenie i politicheskaja socializacija // Makarov M.M. Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovanija*, M., Urss, pp. 224–233. (In Russian)

Kastels, M. (2016) *Vlast' kommunikacii*, M., Publishing House of the Higher School of Economics, 564 p. (In Russian)

Medialingvistika v terminah i ponjatijah: slovar'-spravochnik (2018), M., Flinta, 440 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (1982) *Kommunikativno-pragmaticcheskie i semanticheskie svojstva nemeckih vyskazyvanij-pros'b*: diss. ... kand. filol. n., Kalinin, Kalinin State University, 168 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (1983) K postroeniju kognitivnoj modeli teksta // *Problemy perevoda nauchno-tehnicheskoy literatury i prepodavanija inostrannyh jazykov v tehniceskikh vuzah: tez. dokl. zonal'n. konf.*, Jaroslavl, Sovet NTO, С. 37–38. (In Russian)

Romanov, A.A. (1983) Frejmovaja semantika v aspekte avtomaticheskoy obrabotki tekstov // *Mezhdunarodnyj seminar po mashinnomu perevodu tekstov*, abstracts, M., All-Union Translation Center, pp. 188–190. (In Russian)

Romanov, A.A. (1984) O formal'nom predstavlennii smyslovoj organizacii teksta // *Tekst kak obekt lingvisticheskogo analiza i perevoda*, M., Institute of Institute of Linguistic of Sciences of the USSR, pp. 102–111. (In Russian)

Romanov, A.A. (1986) Illokutivnost' kak kategorija funkcional'noj grammatiki // *Funkciona'no-tipologicheskie problemy grammatiki*, Part 2, Vologda, Institute of Linguistic of Sciences of the USSR, Leningrad branch, pp. 116–118. (In Russian)

Romanov, A.A. (1987) Strategicheskij sintaksis kak sostavnaja chast' illokutivnoj grammatiki // *Pragmaticcheskij aspekt grammaticheskoj struktury teksta*, abstracts, M., Institute of Linguistic of Sciences of the USSR, Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk State University, pp. 13–15. (In Russian)

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Institute of Linguistic of Sciences of the USSR, Kalinin Agricultural Inaptitude, 183 c. (In Russian)

Romanov, A.A. (1989) Predstavlenie illokutivnyh znaniy v stat'e avtomaticheskogo slovarja // *Mezhdunarodnyj seminar po mashinnomu perevodu "JeVM i perevod 89"*. Tbilisi 1989, M., All-Union Translation Center; Tbilisi: Georgian Research Institute, pp. 186–189. (In Russian)

Romanov, A.A. (1991) Illokutivnye znanija, illokutivnye dejstvija i illokutivnaja struktura dialogičeskogo teksta // *Tekst v kommunikacii*. Responsible editors A.A. Romanov i A.M. Shahnarovich., M., Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 82–100. (In Russian)

Romanov, A.A. (2004) Psihosemiotika vizual'noj kommunikacii v somatograficheskom prostranstve // Romanov A.A., Sorokin Ju.A. Somatikon: *Aspekty neverbal'noj semiotiki*, M., Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Tver, Tver State Agricultural Academy, Tver State University, pp. 6–158. (In Russian)

Romanov, A.A. (2005) Semantika vizual'nyh znakov v formirovanii obraza telesnosti // *Text Processing and Cognitive Technologies: The VIII-th International Conference: Cognitive Modeling in Linguistics*, Varna (Bulgaria), 2005. Proceedings, Vol. 2, Moscow-Varna, pp. 149–157. (In Russian)

РОМАНОВ, А.А. (2006) Imidzh i social'no-rolevoj tip povedenija // Imidzhelogija – 2006: *Aktual'nye problemy social'nogo imidzhmejkinga: Materialy Četvertogo Mezhdunar. simpoziuma po imidzhelologii*, M., RIC AIM, pp. 248–255. (In Russian)

Romanov, A.A. (2008) Verbo- i psihosomatika telesnogo bytija čeloveka // Romanov A.A., Sorokin Ju.A. *Verbo- i psihosomatika: dve karty čelovečeskogo tela*, M., Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Tver, Tver State Agricultural Academy, pp. 4–144. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmaticčenskaja model' rečevogo upravlenija dialogom: sistemnyj analiz s primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov*, M., Lenand, 264 p. (In Russian)

Romanov A.A., A.A., Chastova, A.M. (2021) Znachimost' toponom lica dlja vyjavlenija haraktera čeloveka // *Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conferences: "Humanitarian research in an agricultural university"* April 30, 2021, Ivanovo, Ivanovo State Agricultural Academy, pp. 574–578. (In Russian)

Romanov, A.A., Cherepanova I.Yu. (1998) *Linguistic suggestion in pre-election communication*, Tver, GERS, Tver State Agricultural Academy, 205 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (1998) *Upravlencheskaja imidzhelogija*, Tver, GERS, Tver State Agricultural Academy, 244 p. (In Russian)

Romanov A.A., Malysheva E.V. (2010) Kinesteticheskie dejstvija kak markery reguljativnyh dejstvij v dialogicheskom obshhenii // *Kul'tura kak tekst*, collection of scholarly articles, vol. X, Moscow – Smolensk, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; SSU, pp. 285–293. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii: lingvokognitivnyj analiz materialov programm prezidentskoj kampanii 2018*, M.: Flinta, 440 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2015) *Memeticheskij mehanizm konstruirovanija media-smyslov informacionnogo protivostojanija* [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. P. 1–16. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanova, L.A. (2005) Princip kontrarnosti v kognitivnyh praktikah strukturirovanija mira veshhej // *Messenger of the Kostroma State named after N.A. Nekrasov*, Akmeology of Education, vol.11, № 2., pp. 36–43. (In Russian)

Romanova L.A. (2007) *Konstruktivnaja semantika kriptoklassa anglijskih prilagatel'nyh razmera v diahronii i sinhronii*, M., Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, 120 p. (In Russian)

Romanova, L.A. (2009) *Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnyh performativov v funkcional'noj paradigme jazyka*, M., Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 180 p. (In Russian)

Romanova, L.A. (2021) Kommunikativnyj konstrukt kak edinica semanticheskogo kompleksa kompozitnyh performativov // *Diskurs v sociokul'turnom prostranstve: Kommunikativnye mehanizmy i mental'nye*

struktury ego reprezentacii, collection of scholarly articles, dedicated to the anniversary of prof. A.A. Romanov, M., Flinta, pp. 298–309. (In Russian)

Shusterman R. (2012) Thinking through the body: essays in somaesthetics, Cambridge, University Press, 368 p.

Thostov, A.Sh. (2002) *Psihologija telesnosti*, M., Smysl, 287 p. (In Russian)

Van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii*, Translation from English, M., Liberkom, 344 p. (In Russian)

Vitgenshtejn, L. (1985) *Filosofskie issledovanija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, M., Progress, vol. 16, pp. 79–128. (In Russian)

Zotov, V.V., Lysenko, V.A. (2021) *Kommunikativnye praktiki kak teoreticheskij konstrukt izuchenija obshhestva* [Electronic resource]. – Electron. data - 2013. - Access mode: <http://www.teoria-practica.ru/-3-2010/sociology/zotov-lysenko>, free, head. from the screen, Russian, date of access:10.12.2021. (In Russian)